

КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД

КОНКУРС ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА С ФИНСКОГО И СКАНДИНАВСКИХ ЯЗЫКОВ 2014

В этом году на конкурс, который проводила кафедра финского и скандинавских языков и Санкт-Петербургская высшая школа перевода, было предложено три новеллы – датская, шведская и финская и стихотворение на финском языке. В конкурсе приняли участие 31 студент из трех вузов Санкт-Петербурга – РГПУ им. А.И. Герцена, СПбГУ и СПбГУТ им. М.А. Бонч-Бруевича. Призы, дипломы и сертификаты участникам и победителям были вручены в конференц-зале 18-го корпуса 14 апреля представителями культурных и консульских учреждений Швеции, Дании и Финляндии.

Художественный перевод является особым способом изучения языка на высшем уровне, который требует достаточно серьезного уровня владения иностранным языком и хорошего чутья и знания нюансов языка родного. Скандинавская новелла конца 20 века является удивительным явлением мировой культуры. Авторы, живущие во внешне полностью благополучном обществе, пытаются разобраться в человеческих взаимоотношениях, в мироощущении человека эпохи глобализации и постиндустриального общества. И внезапно оказывается, что проблемы, которые они поднимают в своей прозе, не так уж отличаются от наших, что существует общечеловеческий код, понятный читателям и Северной Европы, и России. Предлагаем в этом номере переводы со шведского и датского победителей конкурса. Это новелла одной из лучших датских писательниц, работающей в минималистическом стиле Хелле Хелле (р.1965) «Не по плану», а также психологическая новелла «Кукла по имени Сандра» ее ровесницы, шведки Беате Гримсруд (р.1963).

А.В. ЛОМАГИНА,
заведующая кафедрой финского и скандинавских языков

Беате Гримсруд КУКЛУ ЗВАЛИ САНДРА

Куклу звали Сандра. Сделанная из мягкой пластмассы, она была бледной, с длинными светлыми локонами. У нее были прозрачно-голубые глаза и застывшая улыбка; когда ее клали на спину, у нее опускались веки.

Она пришла с куклой, завернутой в розовое одеяло. Всю дорогу несла ее сама, держа обеими руками. Когда ее мама ушла, она развернула одеяло, достала куклу. Подняла ее, держа передо мной, и сказала:

– Это мое.

Ей было четыре года, этой девочке. Она была вся полна любопытства. Держалась открыто и в то же время, казалось, обладала каким-то своим, тайным пониманием мира. «Как можно быть настолько...человеком», – подумала я. – Настолько цельным, взвращающим человеком, когда тебе всего четырех». На макушку у нее торчал хвостик – курчавые темные волосы, подвязанные желтым бантом. Она взглянула на меня и решила, что мне тоже нужно сделать хвост. «Тебе идет белое», – сказала она, причесала меня и завязала волосы белой лентой. А Сандре хвост был не нужен. Из нас троих у нее были самые длинные волосы, и девочка причесала ее тоже.

Мы вышли в сад. Потому что Сандра, как мне объяснили, никогда не летала. Я была самолетом, Сандра – пассажиром, а девочка – капитаном, она по телевизору видела и знала, как это бывает. Мы летали, и я ощущала себя тяжелой. С соседского двора поднимался белый дым. Петляя, крутился, менял направление. Так пахла осень. Дым от костра, холодные руки, опавшие лиście. Ничто так не пахнет, как осень – жженой листвой, горячей бумагой, поздними яблоками, каким-нибудь куском железа, маслянистым на ощупь, какой-нибудь пластмассовой штуковиной. Дым, белый, теплый и легкий, все вился и вился вверх, и в нем была каждая прожитая мной осень. Так пахли воспоминания. Хорошие воспоминания, в которых я видела себя – любопытного маленького человека с большой фантазией. Мы летали. Смеялись. Уже озябли руки, а сами мы вспотели и запыхались, и девочка толкнула меня в кучу листвы. Самолет сломался, но никто не должен был этим узнать. Я вскочила, и листья взметнулись и опали.

Она вышла из-за дерева, соседская девчонка. Стояла, смотрела на нас, а потом решительно подошла ко мне и спросила, показывая на меньшую девочку (звучало это так, словно она заранее придумала, что скажет):

– Сколько ей лет?

– Четыре. А тебе? – спросила я.

– Скоро шесть.

У нее были измазанные в земле коленки и вязанный свитер с закатанными рукавами, который, казалось, принадлежал кому-то вдвое больше нее. Она подошла к Сандре, которая лежала на скамейке с закрытыми глазами.

– Это мое, – сказала младшая девочка.

Она взяла Сандру, чьи глаза замерзали в мягким осеннем свете.

– Ее зовут Сандра. Смотри, просыпается.

– У меня куклу так же зовут...которая дома у меня, – сказала старшая девочка.

Я села на скамейку. Смотрела на них, как они понемногу сближаются. Они открыли магазин. Я была у них покупателем. А потом магазин закрылся, и покупатели были больше не нужны. Я казалась себе слишком большой для всего этого. Подумалось: «Может, я и есть слишком большая». Взглянула на девочек, которые сидели на сырой траве и шептались. Я решила пойти в киоск и купить нам мороженого.

Когда я вернулась с тремя порциями эскимо, их там уже не было. Я позвала. Никто не ответил. Я пошла к костру – они были там. Я услышала, как старшая девочка говорит:

– А у тебя есть негритянская кукла?

– Нет.

Младшая помотала головой.

– Хочешь такую куклу?

– Да, хочу.

– Хочешь, значит?

Девочка кинула.

Старшая взяла Сандру, схватив ее за ноги, и длинные светлые локоны свешивались и были такой же длины, как сама кукла. Младшая внимательно смотрела. Большая девочка подошла к костру. Держа Сандру за ноги, протянула руку так, чтобы волосы Сандры касались пламени.

Я побежала к ним, но остановилась. Было уже поздно. Старшая девочка протянула куклу маленькой. Льняные кудри превратились в жалкие ошметки на обгоревшей голове.

– Вот, – сказала старшая.

Младшая взяла куклу. Наклонилась и осторожно обтерла ее о траву. Удивленно ощупала обгоревшие, спутанные остатки кудрей.

– Что ты наделала, – закричала я. – Испортила куклу, ты...!!!

Я уже было пошла к ним, но снова остановилась.

Маленькая девочка все гладила кукле голову, приговаривая:

– Сандра, Сандра...

Потом она засунула куклу под куртку. Прижалась к себе, развернулась и пошла прочь от нас быстрыми шагами. Я слышала, как она шептала теплым и спокойным голосом, снова и снова:

– Моя Сандра...моя хорошая Сандра...

**Екатерина АФАНАСЬЕВА,
РГПУ им. А.И. Герцена, факультет иностранных языков, 4 курс**

**Хелле Хелле
НЕ ПО ПЛАНУ**

За весь тот вечер я поговорила со всеми, кроме него. Он был женат, однако несмотря на это, предложил мне прогуляться часов в 11, когда вечеринка была уже в самом разгаре. Признался, что заметил меня несколько часов назад и с тех пор не мог оторвать глаз и был буквально очарован тем, как «вздергивается мой носик», когда я смеюсь.

Мышли вдоль берега, нас разделяли какие-то несколько метров. Я подняла воротник плаща, придерживая его от ветра. Было холодно. Под плащом у меня было только коротенькое синтетическое платяще.

Четыре года он жил с женой в Канаде, и они только-только вернулись домой. Он работал биологом и занимался каким-то научным проектом, что-то связанное с эпидемиями среди птиц. Его жена уже написала диплом и была занята поисками работы. Они знали друг друга еще со школьной скамьи. Должно быть, они безумно счастливы вместе.

– Обычно я не разгуливаю с незнакомками по ночам, – произнес он и предложил мне забраться на дночи.

Он взялся за руку, я не сопротивлялась. Мне было холодно. Влажный песок прилипал, застравая в волосах...

Позже мы сидели на дночах и смотрели на море. Я предложила ему сигарету, но он отказался, сказал, что не курит. Он принял чистить свой пиджак от песка, вытряхивать ботинки.

– Послушай, это была ошибка, – вдруг заявил он. Понятия не имею, что мне теперь сказать ей.

Я затушила сигарету в песке. Вокруг окружала сажа и пепел. Он этого не видел.

– Может быть, она уже заметила, что нас с тобой нет. Она, может, даже прямо сейчас ходит и ищет нас.

Он вскочил, оглянувшись по сторонам. Кроме нас на пляже никого не было.

– Мне очень жаль, но мне придется отвезти тебя на поезд – сказал он. Знаю, я поступаю как последняя свинья, но у меня просто не остается выбора.

– Последний поезд уже наверняка давно ушел, да и к тому же я совсем не хочу сейчас ехать домой.

– Пойми, на кону мой брак, – возразил он. – Я скажу ей, что ты попросила подвезти тебя до станции, ну, и я, следуя правилам этикета, не мог отказать.

Он подал мне руку, помог подняться. Я полезла за сигаретой. Мы направились обратно в сторону дома, но прошли немногим дальше по улице, к месту, где была припаркована его машина. Он открыл дверцу, подтолкнув меня к сиденью.

– Мне нужно вернуться в дом за сумкой – вспомнила я.

– Это обязательно? – он с искренним удивлением взглянул на меня.

– У меня в ней ключи и деньги, – объявила я, – я не могу просто взять и уехать без них.

– Хорошо, нотолько давай побыстрее. И если встретишь ее, скажи, что у тебя весь вечер была мигрень, и ты себя так плохо чувствовала, что даже не могла пошевелиться.

– Да...а ничего что на вечеринке я танцевала?

– И что с того?

Из дома доносились звуки громкой музыки. Гости пели хором, прихлопывая в такт. Из кухни с миской чипсов вышла его жена. Я зачерпнула себе немногим и направилась в прихожую за сумкой. Там я нашла попутылки белого вина. Кто-то забыл ее на полу. Я прихватила бутылку с собой и пошла назад к машине. Он завел мотор.

– На, – предложила я, – глотни. На это он ответил, что сейчас у него нет ни малейшего желания. Мы отъехали от дома. Весь путь до проселочной дороги мы проехали с выключенным фарами.

– Видела мою жену? – спросил он.

– Да, видела, – ответила я, – я взяла ее немногим чипсов.

– Она ничего тебе не сказала?

– Нет.

– Ты вообще уверена, что это была она?

– Ну, да. На ней ведь зеленое пальто?

– Да, да, точно она. У нее еще длин-

иная на том, чтобы ты осталась здесь до утра и села на первый поезд.

– Да, это уже как-то чересчур, – ответила я.

– Ну, да, – согласился он. – Конечно.

Он завел машину и задним ходом отъехал от станции. Когда мы выехали из города, он взглянул на часы. Мы не уложились в обещанные десять минут, прошло целых двадцать.

– Гребаный поезд! – воскликнул он раздраженно. – Кто бы мог подумать, что это окажется так сложно.

Он в сердцах ударил по рулю.

– Да еще эта проклятая лиса!

Я предложила поехать обратно также через лес.

Задние лапы лисы судорожно подергивались; на лесной тропинке растекалось бурое пятно крови.

– Мне казалось, что она уже будет мертва, когда мы вернемся, – сказала я. – Но идея, так и должно было быть.

– Может, ее хотя бы перетащить в кусты? – спросила я.

Он осторожно пихнул ее ногой. Лиса зарычала, он тут же отпрянул назад.

– Милости просим, можешь попробовать сама, – сказал он.

– Послушай, не я ведь ее задавила.

– Она выбежала на дорогу прямо перед машиной! – воскликнул он. – Черт возьми, она сама виновата!

– Хорошо, давай тогда просто оставим ее так и уедем, – сказала я. Мы сели в машину и какое-то время сидели совершенно молча. Он опустил боковое стекло, и, выглядывая, посмотрел на животное.

– Я не могу этого сделать, – сказал он. Это полностью противоречит моим принципам. Просто так стоять и смотреть на то, как мучается животное.

– Я так и думала.

Он повернулся и посмотрел на меня.

– Что ты скажешь, – спросил он, – если я отвезу тебя обратно на вечеринку, а сам возьму какой-нибудь инструмент, допустим, лопату или что-нибудь такое, вернусь в лес и добьюсь лисы?

– Это было бы просто замечательно, – ответила я.

– Правда?

– Да.

– Значит, так и сделаем, – сказал он, заводя машину.

Он проехал немного дальше по улице, чем нам было нужно, припарковался и попросил, чтобы я вышла первой. Половину руки мне на плечо, он сказал, что попозже пойдет в гараж, чтобы найти подходящий инструмент.

– Может, тебе стоит сразу лечь спать? – спросил он.